

Наталья Богданова

ИЗ ЧИСТОГО
ИСТОКА

сборник эссе

Рязань
Издатель Ситников
2013

**ББК 84 (2 Рос=Рус)6 Ряз
Б73**

Богданова Н.Ф

Б73 Из чистого истока: сборник эссе / ред.
И. Красногорская. – Рязань: Издатель
Ситников, 2013. – 128 с.
ISBN 978-5-902420-62-0

В сборник «Из чистого истока» вошли эссе, посвящённые русским писателям А.С. Пушкину, Я.П. Полонскому, Б.К. Зайцеву, С.А. Есенину и К.Г. Паустовскому. Их произведения составили особую ветвь русской литературы, оттого что возникла она «из чистого истока на просторах срединной России, неповторимая по силе чувств, лиричности и человечности, по великолепию языка, по эмоциональному воздействию на читателя». В эссе открываются новые страницы жизни и творчества этих великих писателей.

Сборник рассчитан на широкий круг читателей.

ББК 84 (2 Рос=Рус)6 Ряз

ISBN 978-5-902420-62-0

© Богданова Н.Ф., текст, 2013

© Красногорская И.К., вступительная
статья, 2013

© Издатель Ситников, 2013

Книгу можно заказать на сайте издательства
www.izdatel-sitnikov.ru

Из племени шестидесятников

Наталья Федотовна Богданова – прекрасный собеседник, эрудированный, остроумный, весёлый. Разговаривать с нею – отдохновение и удовольствие. И каждый раз после разговоров я жалею, что Наталья Федотовна в своём литературном творчестве игнорировала рассказ: стала бы наверняка в один ряд с Тэффи и Токаревой. Но, увы, она не помышляла самовыражаться в своих произведениях. Задалась целью выразить в них любовь к тем русским писателям, благодаря которым постигла красоту родного языка, его эмоциональную силу и посвятила литературе жизнь. А ещё хотела заразить этой любовью читателей.

И то и другое ей удалось как в многочисленных газетных и журнальных публикациях, так и в трёх выпущенных в Рязани издательством «Поверенный» книгах «Есенин, женщины и друзья» (2000, 2001, 2003), «Полонский и Тургенев» (2003, 2004), «Фет и Тургенев. В венце из звёзд» (2007). Констатирую эти факты, основываясь не только на личном мнении: подтверждают их и многолюдные аудитории на презентации книг Натальи Богдановой и переиздания, и такой вот

отклик: «Спасибо Вам за то, что возродили к жизни всех этих людей, напомнили нам о нелёгкой их жизни, заставили перечитать их произведения, снова испытать забытый восторг от мелодии слов, от глубины мыслей, от богатства русского языка.

Ваши книги написаны очень поэтичным языком, легко читаются и очень увлекают, что не свойственно обычной биографической литературе».

Высокую оценку специалистов литературоведов получила книга «Полонский и Тургенев» на Международной конференции «Россия – Тургенев – Европа», проходившей в ноябре 2003 года в Московской библиотеке-читальне им. И.С. Тургенева.

Я познакомилась с Натальей Федотовной, кажется, на одной из презентаций. И тогда выяснилось, что наше знакомство могло состояться десятилетиями раньше, в начале 50-х годов, когда мы обе жили в московском общежитии на Стромынке, известном ныне тем, что там обитали будущие лидеры перестройки Горбачёв и Лукьянов (между прочим, недолго – в одно время с нами, но на другом этаже).

Моя же и Натальяина комнаты находились на одном этаже. И мы, безусловно, сталкивались не раз и на огромной кухне, и прогуливаясь по нескончаемому, закольцованному коридору. Это был неприменный вечерний студенческий «проминад», ритуал, предпринимаемый как раз для знакомств. Но наше знакомство тогда не случилось... Правда, я помню какую-то девушку, златокудрую, синеглазую, очень подвижную, и думаю

теперь, что это и была будущая журналистка Наталья Богданова.

О презентациях собственных книг мы в ту пору не помышляли, да и слова «презентация» не знали, не входило оно ещё в наш лексикон. А вот литературой были увлечены обе, хотя и по-разному.

Для меня литература представлялась всего лишь развлечением, не большим, нежели театральное искусство или кино, а делом жизни – инженерия, авиация, училась я в Московском авиационном технологическом институте (МАТИ).

Наталья же с литературой связывала свою будущую профессию. Предполагаю, что втайне она мечтала писать книги, но для неё, вчерашней школьницы, даже медалистки, путь в Литературный институт был закрыт: туда принимали молодёжь, имеющую двухлетний трудовой стаж и творческие работы – так и пришлось ей с осуществлением мечты повременить, попытаться войти в большую литературу через журналистику. Она поступила на журфак МГУ и – ступила на путь тупиковый.

«Ни одна профессия не препятствует так писательству, как журналистика», – говорил начинающим литераторам секретарь Рязанского отделения Союза писателей РСФСР, писатель и журналист Валентин Сафонов. Подтверждений этого грустного вывода мне известно немало, в их числе и писательская судьба журналистки Натальи Богдановой. К литературному творчеству она смогла обратиться только тогда, когда обычно прозаики уже бросают писать и «почивают

на лаврах», бывших, и в этом превзошла Сергея Аксакова. Следует, однако, заметить, что столь позднему её авторскому цветению способствовала негаданно наступившая в России вторая «оттепель», к первой, в шестидесятых годах, Наталья Федотовна просто не успела. Она наконец осуществила свою студенческую мечту – написать о Тургеневе (была всё-таки мечта!), своём по Орлу, земляке. Но не прекратила литературных исследований, напротив, круг её героев расширился. Став рязанкой, заинтересовалась Константином Паустовским и Сергеем Есениным, творчество которого в дни нашего студенчества было под запретом. Теперь они герои сборника «Из чистого истока», присоединился к ним и Борис Зайцев, чьи произведения нам тоже были недоступны в пору нашей юности.

Я очень надеюсь, что у журналистки из племени шестидесятников Натальи Богдановой ещё хватит сил и энергии на книгу, где она с присутствующим ей юмором расскажет о времени и о себе, ну хотя бы о своей юности, о незабываемой Стромынке.

Ирина Красногорская

*Памяти сына,
Олега Богданова,
посвящается*

ИЗ ЧИСТОГО
ИСТОКА

«ОДНА МОЯ ОТРАДА»

Ах, эти хлебосольные, радушные московские дома! Александр Пушкин любил их с детства! Чего стоил дом дядюшки, поэта Василия Львовича Пушкина, личности примечательной, талантливой, причудливой. «Большой оригинал» дядюшка, истинный московский дворянин, любитель и блестящий знаток словесности, театра, принимавший в своём доме лучших литераторов, друживший с Карамзиным, Дмитриевым, оказал неопределимое влияние на будущность поэта. Он словно окунул Александра с детства в волшебную литературную, стихотворную купель.

*Племянник и поэт! Позволь, чтоб дядя твой
На старости в стихах поговорил с тобой.
Хоть модный романтизм подчас я осуждаю,
Но истинный талант люблю и уважаю.*

.....
Жуковский, Дмитриев тебя и чтут

и хвалят;

*Крылов и Вяземский в числе твоих друзей
Пиши и утешай их музою своей...*

Пожалуй, можно сказать, что лучшее и самое дорогое у Пушкина с Москвою связано, да так

сложилась судьба, что отроком уехал он в Петербург, в Царскосельский лицей, затем, по царской милости, попал в ссылку, прошли годы странствий по югу России. Надолго расстался Александр Сергеевич с матушкой-Москвой, но всегда стремился к ней душою. Да не получалось. После южной ссылки, по новой царской милости, был он сослан в глушь провинциальную, в псковское имение Михайловское, без права выезжать, под строгий полицейский надзор...

Странно и тяжело всё сплелось для него: за долгие годы ссылки, будучи совсем молодым человеком, он оказался оторванным от родных мест, от среды особой, культурной и литературной, от друзей молодости, которыми очень дорожил. Он скитался по югу – объехал Кавказ и Крым, жил в почти захолустном в ту пору, в начале XIX века, Кишинёве и в почти европейской Одессе. Могучая стихия моря и дикая цыганская вольница. Светская красавица Воронцова и дикий черкес. Кипение страстей. Сколько он увидел разного – и всё запечатлелось в его душе и в его стихах.

И вдруг внезапно, как в прорубь ледяную, Пушкин в 1824 году был брошен в новую ссылку. С юга, от моря, с почти европейской стороны, где он мечтал побывать, он попал в глубинные снега Псковщины, в Михайловское, до которого в ту пору, как ни гони лошадей, нескоро от столицы доскачешь. Да и где найдешь охотников туда скакать – к чему? Зачем? Вот уж истинно, как в сказке, кинули поэта из одного котла, горячего, да в другой, студёный. От Чёрного южного моря – прямо в ледяную Сороть... Невелика речка Со-

ротъ, летом тихая и ласковая, а зимой почти до дна промерзает. А каково там душе, горячей, молодой!

Пушкину было двадцать пять лет – самая молодость, расцвет, жажда деятельности, да при его пламенном стремлении к дружбе и любви, при его жгучих страстях, африканском темпераменте, – и он был отлучён от всего: от общества просвещённого и общения, от музыки театра, литературы... Да всего, что надобно такому человеку, и не перечислить.

Пушкин провёл почти два года в Михайловском без выезда, не был ни разу ни в Петербурге, ни в Москве, не имел такого права. Несколько раз душа его не выдерживала – собирался в дорогу, выезжал – и возвращался... Особенно тяжело было зимой, когда заносили глубокие снега, бушевали метели и пуще того в душе бушевала тоска. Особенно после декабря 1825 года, после разгрома восстания на Сенатской площади. Недаром в черновых его тетрадах, рукописях столько виселиц – погибших друзей... Он и сам был под угрозой расправы: знал, что и его могут заточить в каземат или отправить по этапу в Сибирь, вслед за Пуцциным и Кюхлей – это были его друзья, ведь стихи его «пока свободою горим», мечты о вольности были у всех на устах и в тетрадах, и в душе. На что было ему надеяться?

Пушкин в Михайловском сжёг в ту роковую зиму немало своих бумаг. И мы никогда не узнаем, каких прозрений дивный свет погиб невозвратно

в печи. Даже в письмах своих не мог дать он воли чувствам своим – знал, что под надзором, что собственный отец стал доносителем. И всё-таки письма были для него, как всегда в жизни, совершенно необходимы. Он писал сам, горячился, ждал ответа. Он был кроме всего, в неведении... Но и друзья не могли ему писать всю правду. Этот драматический накал переписки, где сообщения о горестях и сомнениях пересыпались непременно юмором, – явление совершенно уникальное и замечательное.

Пушкин жадно ждал известий. Но письма приходили редко и ничего не проясняли. Все боялись за свою участь и всего не могли писать открыто опальному поэту: охранка, цензура свирепствовали. Любое слово могло стоить свободы. Всю Россию сковали не только льды и морозы, но и ужас, страх, ощущение беды, которая может войти в каждый дом и поразить любого.

*В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои,
Без божества, без вдохновенья,
Без слёз, без жизни, без любви.*

Каково было этак Пушкину?! В его двадцать пять лет! С его душою и талантом, с его прекрасными порывами... Мудрено было жить, выжить – и не потерять себя. Спасала работа. Он много думал, к нему зрелость пришла, мысли и замыслы небывалые государственного человека, и он сел писать нечто небывалое в российской истории и литературе – историческую драму «Борис Годунов». Он снова был не один в маленьком своём михайловском флигеле – рядом с ним, рождаясь

из-под летучего его пера, появлялись и царь Борис, и Марина Мнишек, и летописец Пимен... А сам Пушкин, в заточенье худшем, чем Пимен в его монастырской келье, раздумывал о судьбах родины своей и писал свою «смуту» – «Бориса Годунова». И продолжал «энциклопедию русской жизни» – «Евгения Онегина». А сколько стихотворений! Одна за другой росли стопы страниц, исписанных неутомимым, лёгким, волшебным его пером. На страницах бесчисленные рисунки – непременно спутники его раздумий и вдохновений...

* * *

И вдруг снова, каким-то сказочным и фантастическим образом переменилась его участь – за ним приехал посыльный с ошеломляющим известием: сам царь вызывает Пушкина пред свои очи в Москву. Зачем? Что вдруг такая спешность? Что ждёт опального поэта? Он в полном неведении. Но когда пред Пушкиным открылись «края Москвы, края родные», где не был он много лет, о которых так мечтал в горестной разлуке, восторг охватил его. И даже сомнения, тревога не могли погасить эту радость, она в пушкинских стихах:

*Ах, братцы, как я был доволен,
Когда церквей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!*

.....

*Москва... Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нём отозвалось!*

Да, Москва в этот раз подарила ему перемену судьбы и радость.

Можно было ожидать чего угодно, и Пушкин ждал худшего – могли его отправить по этапу в Сибирь вслед за декабристами. Но царь оказался милостив – он словно дал ему вольную. А Москва поразила радушием, будто долго ждала и наконец-то дождалась своего Кумира. Москвичи встречали его восторженно – балы, визиты, обеды, концерты, вечера, красавицы в великом множестве... И всё же среди всего множества людей были у Пушкина друзья верные – Пётр Андреевич Вяземский и Павел Воинович Нащокин. Особо дороги ему были с ними встречи и разговор.

Он поселился и жил у давнего друга своего Соболевского. Встретился с Вяземским, и наконец-то они могли поговорить и обсудить, обменяться мыслями, испытать прелесть истинно московского радушия, по которому так истосковался. Он встретился с Дмитриевым и Чаадаевым, побыл у Мещерских и крепко обнял истинного москвича и лихого рубаку, героя Отечественной войны и поэта при том – Дениса Давыдова.

После долгого заточения, доводившего порой до полного отчаяния, после оторванности от мира, горестного, почти безнадежного одиночества Пушкин оказался среди литераторов, среди «рассеянной Москвы». Он снова шёл по Тверскому бульвару, заходил в Московский университет, конечно, в Большой театр. Везде его появление вызывало бурю восторга, вспыхивали овации.

В Москве впервые прочёл Пушкин написанного в Михайловском «Бориса Годунова», и это вы-

звало необычайный восторг и воодушевление, и слава о том полетела по всей первопрестольной.

Однажды Пушкин, будучи в университете, зашёл в аудиторию, где читал лекцию по истории русской литературы профессор Давыдов. Все замерли. Среди студентов был будущий писатель Иван Алексеевич Гончаров. Вот как он описывает свои впечатления: «...Для меня точно солнце озарило всю аудиторию: я в то время был в чадущем обаяния его поэзии. Его гению я и все тогдашние юноши, увлекавшиеся поэзией, обязаны непосредственным влиянием на наше эстетическое образование». После лекции возник разговор между профессорами и Пушкиным, студенты окружили их и жадно слушали. «Не умею выразить, как велико было наслаждение – видеть и слышать нашего кумира», – пишет Гончаров.

Среди множества старых и новых знакомств после возвращения из ссылки всех милее и ближе стал Пушкину Павел Воинович Нащокин. Он как раз был из породы больших оригиналов, причудликов, которыми так отличалась и славилась Москва. Вроде бы и ничего особенного, вроде бы и не богат, не знаменит, ни чинов, ни званий, он никогда за этим не гнался, не литератор даже, а была в нём однако же какая-то особенная черта, что привлекало к нему людей самых разных. Пушкин нашёл в нём редкого по душе собеседника, преданного, истинного друга. Нащокин добротой, искренностью, открытостью души привлекал – редкие и в ту пору качества. И Пушкин, как приезжал в Москву, так уж непременно к Нащокину.

А уж как рад был Павел Воинович, что Пушкин женился, да на такой милой красавице. Они с Натальей Николаевной как-то сразу пришлись по душе друг другу.

Нащокин проникся к Натали доброй симпатией, дружескими чувствами, и она, видя его искренность, отвечала ему тем же. Из всех друзей Пушкина, пожалуй, он один был ближе всех к Наталье Николаевне, завоевал её доверие и симпатию. Когда, через три месяца после свадьбы, молодые уезжали в Петербург, именно Нащокин провожал их до самой заставы и написал вслед такое трогательное письмо: «Жить ты будешь счастливо. Я в этом уверен, следственно говорить и желать тебе нечего, не забудь меня, поминай меня, да не лихом – со своей стороны тебе был друг искренний, по душе... Сидя в карете, плакал – и этому давнишнему удовольствию я тебе обязан... Прощай, Александр Сергеевич, – прошу тебя сказать своим слогом Наталье Николаевне, сколь много я желаю ей всяческого счастья и удовольствия».

Пушкин уехал в Петербург навсегда. Полон был надежд на семейное счастье, которое наконец-то обрёл. И творческих планов было много. Ведь написал же он другу своему, издателю и литератору Петру Александровичу Плетнёву: «Мне кажется, что если все мы будем в кучке, то литература не может не согреться и чего-нибудь да не произвести: альманаха, журнала, чего доброго? и газеты!» Вот о чём он думал и немало о том хлопотал.

Но время шло – и разбивало надежды поэта. Всё труднее ему становилось жить в Петербурге. Тянуло в Москву... И не только по литературным, издательским делам...

Там, в первопрестольной, был совсем другой дух и тон, там были дружеские дома, там были люди, которых рад он был видеть, с которыми мог он быть прежним – душа нараспашку. Ах, эти москвичи! Неизменный друг всей жизни, умница и остро слов, язвительный князь Вяземский, его прекрасное подмосковное родовое гнездо Остафьево. На Пречистенке купил дом лихой рубака и поэт, беспшабашная пылкая душа Денис Давыдов. Встречались в доме племянницы Жуковского, любезнейшей Авдотьи Елагиной, у которой выросли славные сыновья-литераторы Иван и Пётр Киреевские. Легендарная фигура Москвы Пётр Яковлевич Чаадаев. Да, Пушкин уезжал в Москву не только по делам – там были его душевные друзья, которые искренне его любили.

Пишет Пушкин отчёт жене в сентябре 1832 года: «Велосифер, по-русски поспешный дилижанс, поспешал, как черепаха, а иногда даже, как рак. В сутки случалось мне знать три станции. Лошади расковывались и неслыханная вещь: их подковывали на дороге. 10 лет езжу я по большим дорогам, а отроду не видел ничего подобного. Насилу дотащился я в Москву...

Поскакал отыскивать Нащокина, нашёл его... Он ездил со мной в баню, обедал у меня. Завёз меня к княгине Вяземской...».

И так и было: Пушкин приезжал в Москву и первым делом находил Нащокина. Пока не был

Павел Воинович женат, он часто менял квартиры, так что другой раз не просто было его отыскать. Да и уклад жизни его был очень беспорядочный и своеобразный. Мы узнаём теперь о нём из письма Пушкина Наталье Николаевне, очень живописная картина причудливого и вместе с тем типичного, старомосковского, уже тогда уходящего в небытие быта: «Дом его такая бестолочь и ералаш, что голова крутом идёт. С утра до вечера у него разные народы... Всем вольный вход; всем до него нужда; всякий кричит, курит трубку, обедает, поёт, пляшет; угла нет свободного... Меж тем денег у него нет, кредита нет...».

Примечательно: денег нет, но дом, душа – нараспашку. Это тоже московское. Представить такое в чинном чопорном Петербурге совершенно невозможно. И вот здесь-то, среди рассеянной Москвы, Пушкин чувствовал себя, однако же, замечательно, в доме, где порой и раздражали его «бестолочь и ералаш» и «разные народы». А такие дома, надо сказать, водились в Москве во все времена. Но главным в них был не быт, а разговор, беседа, спор, жаркий обмен мнениями – обо всём, всё интересовало и волновало москвичей до полной горячности: политика, своя и западная, литература, тоже своя и западная, и философия, и пути развития, и брожения умов, и сочувствие к инакомыслию. Вот этой атмосферы не хватало Пушкину, он скучал в Петербурге, стремился в Москву и находил там неизменный дружеский привет.

Известно, как пламенно относился Пушкин к дружбе, он был предан друзьям, любил их безза-

ветно, они были ему душевно близки, необходимы. Недаром столько прекрасных строк им написано: «Всегда, везде в судьбе моей благословлю своих друзей». Но после разгрома декабристского восстания очень многих он потерял навсегда. Это была потеря сокрушительная для его души, ума и сердца. Невосполнимая, невозстановимая. После возвращения из ссылки он встретился с некоторыми из прежних друзей, к примеру, с Чаадаевым, с Вяземским, с Соболевским. Но многие переменялись, и отношения с ними складывались по-другому или не складывались вовсе. А вот с Нащокиным сошёлся Пушкин по душе. Одно из писем поэту Павел Воинович кончает так: «Прощай, добрый для меня Пушкин – не забывай, никого не найдёшь бескорыстнее и более преданного тебе друга. П. Нащокин». И это истинная правда: после Пуцина и Дельвига в последнее десятилетие жизни это был для поэта первый друг, бесценный.

В феврале 1833 года Пушкин написал Нащокину совсем невесёлое письмо (с ним он мог быть совершенно откровенен): «Жизнь моя в Петербурге – ни то, ни сё. Заботы о жизни мешают мне скучать. Но нет у меня досуга, вольной холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь в свете, жена моя в большой моде – всё это требует денег, деньги достаются через труды, а труды требуют уединенья».

Накануне Нового года царь Николай назначил Пушкина камер-юнкером, низший чин, с которого молодые начинали службу при дворе. Это было для Пушкина унижительно, оскорбительно. В гне-

ве поэт написал: «...Я могу быть подданным, но шутом... но холопом и шутом не буду и у царя небесного...». В таком он был положении – а выхода не было. Но он ещё не сдался, писал, хлопотал об издании журнала.

В том же 1833 году, приехав в Москву по литературным издательским и прочим делам, Пушкин, как всегда, встретился с другом, и уж поговорили они по-московски – всласть. Павел Воинович сообщил, что собирается жениться и познакомил Пушкина с невестой своей Верой Александровной Нагаевой. Она понравилась Пушкину, и он советовал Нащокину непременно на ней жениться. И когда узнал на следующий год, что свадьба эта состоялась, послал молодым в Москву сердечное письмо: «Ты не можешь вообразить, друг мой, как я счастлив твоему письму... С первых строк вижу, как ты спокоен и счастлив. Наталья Николаевна нетерпеливо желает познакомиться с твоею Верою Александровною и просит тебя заочно их подружить. Она сердечно тебя любит и поздравляет... Говорят, несчастье хорошая школа: может быть. Но счастье есть лучший университет. Оно довершает воспитание души, способной к доброму и прекрасному, какова твоя, мой друг, какова и моя, как тебе известно... надеюсь, что Вера Александровна будет меня любить, как любит тебя Наталья Николаевна».

И ведь так и вышло, Вера Александровна стала верным другом Пушкина. Совершенно переменялся с её появлением, после того как она стала женой и хозяйкой, дом Нащокина, из него как метлой смело «бестолочь и ералаш», не кружились «на-

роды разные». Она была не охотница до светских развлечений. Зато когда приезжал Пушкин, это было для супругов настоящим праздником – таким теплом, добром, уютом, умным и душевным пониманием встречали поэта Нащокины. Они часто втроём сидели на диване – и не могли наговориться. Вера Александровна писала об Александре Сергеевиче: что ни один из его портретов не передал и сотой доли красоты его облика, особенно его удивительных глаз... Говорил он скоро, острил всегда удачно, был необыкновенно подвижен, весел, смеялся заразительно и громко...

Так было в Москве, в доме доброго друга... Но Пушкин возвращался в Петербург, ему приходилось появляться в свете и там он был, как вспоминают многие, мрачен и раздражён. Ему не давали работать, петербургский светский холодный каземат тяготил и давил его. Нет, не удалось ему вырваться. Со всей горестью сердца написано стихотворение Пушкина:

*Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит –
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частицу бытия, а мы с тобой вдвоём
Предполагаем жить, и глядь, как раз умрём.
На свете счастья нет; а есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля –
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.*

Усталый раб замыслил побег... И давно... Но ему не дано было не только счастья, но и ни покоя, ни воли, ни тихой обители. «Мчатся тучи, вьются тучи» – тучи всё сгущались над поэтом, чёрные, грозные, опасные...

В последний, горестный, труднейший и роковой период своей жизни с особым чувством приезжал Пушкин в Москву. Приезжал по делам – литературным, издательским, затеял издание газеты, журнала. Были встречи разные, деловые и дружеские. Но останавливался Пушкин только у Нащокина. И жена его Вера Александровна была под стать мужу, истинная москвичка, с сердечной, радушной и умной простотой. Как прежде Нащокин сердечно принял Наталью Николаевну, так и Пушкин теперь по-особенному признательно и благодарно относился к семье друга, его жене. Он пишет из Москвы Наталье Николаевне в Петербург (интересен адрес: «Москва, у Нащокина – противу Старого Пимена»): «Вот тебе, царица моя, подробное донесение: путешествие моё было благополучно. Я остановился у Нащокина. Квартира у него щегольская. Жена его очень мила... Он счастлив и потолстел. Мы, разумеется, друг другу очень обрадовались и целый вчерашний день проболтали бог знает о чём...». Наталье Николаевне он пишет и о том, что с книгопродавцами не торговался, и о том, что едет по делам «Современника» и добавляет: «Так как теперь к прочим моим достоинствам прибавилось, что журналист, то для Москвы я имею новую прелесть». А в другом письме о том же: «...У меня самого душа в пятки уходит, как вспомню, что я журналист. Будучи ещё порядочным человеком, я получал полицейские выговоры, и мне говорили: “Вы не оправдали...” и тому подобное. Что же теперь со мною будет? ...чорт догадал меня родиться в России с душою и талантом! Весело, нечего сказать...».

Да, был уже май 1836 года, и тучи над Пушкиным сгущались со всех сторон, и было ему – «весело, нечего сказать». И потому не все встречи и в Москве его радовали, бывал в доме Орлова, встречался с Александром Раевским, с Баратынским и написал жене: «Мы как-то холодны друг к другу». Не привлекал Пушкина уже и знаменитый Английский клуб. Тем дороже для него один неизменно родной дом дорогого друга Павла Воиновича и пишет он своей Наташе: «Нащокин здесь одна моя отрада».

Как жаль, что Нащокины жили в Москве, потому что при всём обилии знакомств, такой семейной дружбы у Пушкиных в Петербурге не было. Особенно в последний роковой период жизни поэта.

Петербургская суета, свет тяготили Пушкина порой до непереносимости. Это был блистательный, роскошный, гремевший бальной музыкой и фальшивой ядовитой любезностью огромный петербургский каземат... Пушкину было не до балов. Совсем другого жаждала в ту пору его душа. Словно недобрую шутку играл над ним злой рок. Подумайте, когда он был молод и беспечен, жаждал веселья и развлечений, когда для него праздником жизни были театр, балы, концерты, светская столичная круговерть – он был лишен этого, заброшен (по воле рока?!) в глухую провинцию. Когда же, пройдя суровый путь гонений и испытаний, захотел другой жизни, тихой, уединённой, когда сам он сказал: «безумных лет угасшее

веселье мне тяжело, как смутное похмелье», когда захотел он трудов уединённых – тут и вовлекло его в светскую бальную бесовскую круговерть. Натали блистала на балах – того пожелал сам царь. Но Пушкин был старше жены, он перерос этот «бальный» возраст, ему было тридцать, когда он женился и почти остепенился. А вынужден был торчать на балах, в глупом и унижительном положении – его охватывала злость, гнев, неистовая душа его бунтовала, бушевала. Воистину, как сказал другой поэт в другие времена, «куда несёт нас рок событий»... Он привёл Пушкина к Чёрной речке, к тому, что он, бесстрашный и беззащитный, оказался перед дулом пистолета... И некому было его защитить. Да, не было на беду в Петербурге Нащокина. Не было Соболевского. Тот москвич, истинный друг не раз прежде отводил беду от буйной пушкинской головы... Не было Пуцина, который узнавши о гибели великого поэта, горевал, почему его не было с ним рядом, уж он бы грудь свою подставил под Дантесову пулю, чтобы спасти такого друга... И нет сомнений, что так Пуцин бы и поступил. И уж он бы так и сделал – да на беду он был слишком далеко – «во глубине сибирских руд».

И вот уже идёт второе столетие, как нет поэта, а всё кажется, что выстрел тот погибельный не прозвучал... И в наши дни поэт Андрей Дементьев написал прекрасное стихотворение:

*А мне приснился сон,
Что Пушкин был спасён...*

ЕГО МАДОННА

На одном из московских балов в декабре 1828 года, после возвращения из ссылки, увидел Пушкин впервые юное создание какой-то неземной, воздушной красоты. Ах, эти балы! Он уж почти и позабыл о них за два года заточения в псковской глуши, в Михайловском. А тут столько музыки, огня, блеска, оживления, какого-то особого, хмелящего, опьяняющего, и столько московских красавиц, одна другой милей и краше. «Шум, хохот, беготня, мазурка, вальс», а его глаза искали Наталью Гончарову. Он был очарован, «огончарован», в чём и признавался всему свету.

Друзья, в том числе Вяземский, представили поэта, как тогда было принято, семейству. Жили Гончаровы в скромном доме в центре Москвы, на Никитской, близ Тверского бульвара. И туда Пушкина тянуло, как магнитом, – хотелось смотреть и смотреть на божественную неземную красоту этой девушки, любоваться её тихой, милой прелестью. Поэт голову потерял – он нашёл свою Мадонну... И страстно желал, чтобы она была с ним всегда. Сколько мучений принесла поэту эта любовь! Он не сразу решился сделать предложение. Получил отказ, уехал вгорячах, будучи в великом сокрушении, на Кавказ, под пули, там шла война. Тогда судьба его хранила – уцелел,

вернулся в первопрестольную и – вновь к ногам Натали. Красотой Гончаровой восхищались многие, но всей Москве было известно, что она бедна, бесприданница. И Пушкин при всей славе своей ничего не имел. И почти два года ждал свою Натали, пока получил, наконец, её согласие. Но и после того как-то всё не складывалось, расстраивалось.

В короткой, поразительной и выразительной записке своей Пушкин пишет: «Участь моя решена: я женюсь... Та, которую любил целых два года, та, которую первую отыскивали глаза мои, с которой встреча казалась мне блаженством – боже мой – она почти моя...». «Почти» оказалось долгим. Чтобы уладить материальные дела, добыть деньги на свадьбу, Пушкину пришлось поехать в своё нижегородское имение Болдино. Он и представить не мог, что в тех краях разразится холера и он окажется заперт там надолго, до зимы. Пушкин писал в письме: «Болдино имеет вид острова, окруженного скалами. Ни соседей, ни книг. Погода ужасная. Я провожу время в том, что мараю бумагу и злюсь. Не знаю, что делается на белом свете...». Но оказалась эта ненастная и неласковая осень поистине золотой – столько написал там, в Болдине, Пушкин прекрасных произведений, стихов и прозы, настоящие шедевры: последние главы романа «Евгений Онегин», «Маленькие трагедии», «Домик в Коломне», несколько повестей и много ещё того, что радует и волнует нас и поныне...

Но вместе с тем Пушкин тяготился страшно этим внезапным и долгим заточением. Несколь-

ко раз пытался вырваться, ехать в Москву, но не удавалось, везде были кордоны... Насилу он выбрался оттуда только в декабре...

И вот наконец-то зимней порой, в феврале 1831 года, состоялась эта свадьба, о которой было столько толков и кривотолков в матушке-Москве. Венчались молодые в церкви Вознесения, близ Никитской, у Тверского бульвара. Поселились на Арбате в милом особняке, это было первое семейное гнездо Пушкиных. Но прожили они там недолго. Через три месяца переехали в Петербург, сняли квартиру в прекрасном, столь дорогом сердцу поэта Царском Селе. Тут, наконец, после всех скитаний и страданий был семейный дом поэта, его Мадонна... Первое время они жили уединённо и после московской суеты, родни, сплетен, от которых изрядно устали, видимо, наслаждались этой красотой, тишиной и уединением. О том писал Пушкин другу своему Нащокину в Москву: «Мы с женой всякий день тебя поминаем. Она тебе кланяется. Мы ни с кем ещё здесь не знакомы...». Но так было недолго. Слишком велико было желание света узнать, какую жену взял Пушкин...

Одна из близких знакомых поэта, внучка Кутузова, Дарья Фикельмон так написала о Натали: «Пушкин приехал из Москвы и привёз свою жену, но ещё не хочет показывать её в свете. Я видела её... это очень молодая и очень красивая особа, тонкая, высокая, стройная – лицо Мадонны...». В другой раз она написала о Натали: «Это образ, перед которым можно оставаться часами, как при совершенном произведении создателя», –

вот какая жена была у Пушкина. Недаром посвятил он ей строки:

*Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.*

К тому же Натали была мила, застенчива. Пушкин хорошо знал свет, его свободные и жёсткие нравы и не хотел вводить её в общество. И сама Натали поначалу, по скромности своей, этого избегала.

Но скоро всё переменялось. Так случилось, что редкостная красота Натали сыграла роковую роль в судьбе поэта, да и в её собственной. В Петербурге, собиравшем при дворе самых ярких красавиц, она примечена была сразу. Сам государь пожелал, чтобы она блистала в Аничковом дворце, где был круг его самых приближённых. И там она поразила всех, и много осталось воспоминаний тех, кому довелось её видеть тогда, в расцвете юности, красоты и, наверное, счастья от такой сказочной перемены жизни... Ведь детство и ранняя юность её прошли в провинции, в глуши, в обедневшем калужском имении Полотняный Завод, и были они совсем невесёлыми. И вдруг эта девушка, совсем молодая и чистая душой, оказалась в царских чертогах...

После женитьбы, казалось бы, судьба Пушкина переменялась. Он жил в Петербурге и уж склонен был к оседлости, он сам о том не раз писал и говорил. Семейство росло: родилась дочь Маша, затем сын Саша. Чем жить – вот что заботило Пушкина. Доходов не было, росли одни долги. Ему приходилось уезжать, отправляться в разные концы и по

разным обстоятельствам: то заложить имение, то выкупить, то по делам затеянной им «Литературной газеты», то вовсе на Урал, в места пугачёвских волнений... У него было много творческих планов, а возможности работать – спокойного уединения не было. Таким образом, вновь и вновь складывались обстоятельства, что вновь и вновь отправлялся Пушкин в дорогу: Болдино, Михайловское, Симбирск, Нижний Новгород, Оренбург – и отовсюду присылал он своей Наташе письма. Кто-то подсчитал, что из шести лет семейной жизни Пушкины были в разлуке семнадцать месяцев. И за это время поэт написал жене восемьдесят писем. Тогда как за двадцать лет дружбы, к примеру, с Вяземским – около семидесяти. Одно это говорит о том, как много значили в судьбе Пушкина семья, его Наташа, милое, прелестное создание. Он обращается к ней: «царица», «ангел кротости и красоты», он пишет ей в одном из писем 1831 года: «Тебя, мой ангел, люблю так, что выразить не могу, с тех пор, как я здесь, только и думаю о том, чтобы удрать к тебе...». И не только в год свадьбы он полон был таких чувств. А какое письмо он прислал ей два года спустя: «Гляделась ли ты в зеркало и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего нельзя сравнить на свете – а душу твою я люблю ещё больше твоего лица...» С дороги пишет Пушкин жене часто и обо всём: о том, что, едучи мимо Павловска, Бернова, Малинников, посетил Вульфова, а в Москве видел Вяземских, Чаадаева, Тургенева... Трогательна его забота о жене, он советует ей: «...Не ездите верхом, а кокетничай как-нибудь по-другому...». В дру-

СОДЕРЖАНИЕ

Из племени шестидесятников

Ирина Красногорская

3

ИЗ ЧИСТОГО ИСТОКА

«Одна моя отрада»

8

Его мадонна

24

«Моя душа сроднилась уж с тобою»

32

«Золотая арфа» Полонского

41

Светлые отблески тёмных аллей

54

Из чистого истока

66

«В зелених твоих стозвонных»

74

«Стою я на Тверском бульваре»

89

Когда цветёт море

99

Волшебство заповедного края

109

Звёзды слов

118